

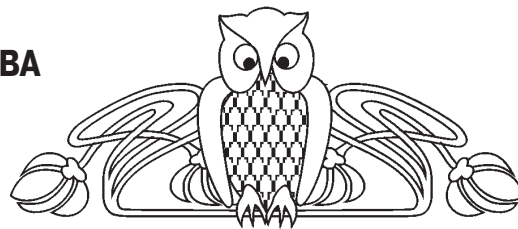
- Россия в обвале. М., 1998 (в скобках сокращённое название – РО и номер страницы). Курсив в примерах наш. – Л. Г.
- ⁶ Шмеман А., *прот.* Собрание статей. 1947–1983 / сост. Е. Ю. Дорман ; предисл. А. И. Кырлежева. М., 2009. С. 818–819. (Курсив Шмемана.)
- ⁷ См.: Шешунова С. Национальный образ мира в эпопее А. И. Солженицына «Красное Колесо». Дубна, 2005. С. 64–69.
- ⁸ Там же. С. 67.
- ⁹ Солженицын А. Россия в обвале. С. 200.
- ¹⁰ Там же. С. 203.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 201.
- ¹³ Аверинцев С. Моя ностальгия // Аверинцев С. Собр. соч. С. 399.
- ¹⁴ Там же. С. 401.
- ¹⁵ Солженицын А. Три отрывка из «Дневника Р-17» // Между двумя юбилеями (1998–2003)... С. 28.

УДК 821.161.1.09-3+929Солженицын

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН И ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

А. А. Гапоненков

Саратовский государственный университет
E-mail: GaponenkovAA@info.sgu.ru

В статье личность и творчество А. И. Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ», «Красное Колесо», «Россия в обвале») рассмотрены с точки зрения проблемы единства русской духовной культуры, в соотношении двух политических философий – консерватизма и радикализма. Теоретическая основа публикации – идеи русской религиозной философии, изложенные в трудах С. Л. Франка. Особая роль отведена полемическим суждениям писателя.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, русская духовная культура, религиозная философия, С. Л. Франк, консерватизм, радикализм

A. I. Solzhenitsyn and the Issue of the Unity of Russian Spiritual Culture

A. A. Gaponenkov

In the article the author regards the personality and oeuvre of A. I. Solzhenitsyn («Gulag Archipelago», «Red Wheel», «Russia in Collapse») from the perspective of the unity of Russian spiritual culture in relation to two political philosophies: conservatism and radicalism. Ideas of the Russian religious philosophy expounded in the works by S. L. Frank underlie the theoretical foundation of the paper. A special role is dedicated to the polemic judgments of the writer.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, Russian spiritual culture, religious philosophy, S. L. Frank, conservatism, radicalism.

Явление А. И. Солженицына – это возрождение забытых истин на фоне цинизма и материализма, связывание разомкнутых пространств русской мысли, воплощение единства русской духовной культуры и притом понимание ее заблуждений. «Архипелаг ГУЛАГ», погружая читателя на дно бездны страха и неверия, оставлял надежду на «воскресение из мертвых». Солженицына любят цитировать его противники, «играя» цифрами погибших за годы репрессий и войн, но критики не могут опровергнуть многих его убеждений, так или иначе вступая с ним в интенсивный диалог и невольно солидаризируясь, потому что в его иде-

ях просматриваются ценности русской духовной культуры XIX – начала XX в. И что особенно характерно, Солженицын не был готов разменять их на абстрактные правовые нормы западного мира.

В эмиграции философ С. Л. Франк предложил слушателям РСХД оригинальную и стройную концепцию *русской духовной культуры*, её истории со всеми противоречиями и разрывами, отдельными умственными течениями, индивидуальными судьбами, достижениями и утратами. Эмиграция искала почву, опору в русском языке, литературе XIX в., искусстве, религии, религиозной философии. Превеличенное дореволюционными и новейшими «неистовыми» критиками представление о недостатках русской культуры сменилось пониманием ее значительности, желанием разобраться в ней объективно. Франк наметил основные черты исторического противоборства и схождения двух течений русской мысли – *религиозно-мистического и социально-радикального*. Он напомнил о катастрофическом «разрыве между образованным классом и народом»¹, западной образованностью и исконно православной духовной культурой. Особенностью русского исторического пути была борьба между апологетами подлинной веры и «атеистической религии», бунтарства, приверженцами сложившегося государства, церкви и столпами радикальных перемен, нового социального переустройства.

Обозревая контекст *современных* ему политических течений, Франк находит, что они «по большей части заражены ложным консерватизмом уже в том смысле, что остались неизменны после революции, исходят из *старого*, одинаково революционеры и контрреволюционеры, не понимают творческого характера задачи»². Радикализм же их в том, что они сосредоточены на разрушении. Какова диалектика консерватизма и радикализма после революции, мировой

и гражданской войны? «Если в обычное время можно длить традицию и растить новое, и естественно дифференцироваться на две партии по преобладанию, то теперь это беспредметно. Задача *возрождения*, как бы *воскресения из мертвых* (курсив наш. – А. Г.). Только из последних глубин святости, только сам Бог может спасти»³.

Религиозная философия начала XX в. прошла через марксизм, ницшеанство, идеализм, веховство и в эмиграции вступила в диалог с православием, в большей степени, чем это было до революции и гражданской войны в России.

Путь Солженицына был скорее исключением из общих правил советской действительности. В студенческие годы он был марксистом поневоле, штудировал «Капитал». Маркс предлагал стройную систему взглядов: «Было время в моей юности, в 30-е годы, когда была такой силы поток идейной обработки, что я, участь в институте, читая Маркса, Энгельса, Ленина, как мне казалось, открывал великие истины...»⁴. «Великие истины» оказались ложными, разрушительными для России.

Вся окружающая среда была атеистической и враждебной религиозному мирозерцанию. Разрушены были скрепы памяти, связывающие с идейными течениями дореволюционной России. И молодые люди погружались в большевистскую мифологию, видели пантеон новых богов. Нужно было, проявив характер, противостоять целой системе принуждения, фантому «научного коммунизма», идеологическому туману и репрессиям. В качестве метазнания предлагались марксистские схемы русской истории, ограниченные классовым подходом. В этой удушающей атмосфере Солженицын задумал и стал осуществлять свой главный замысел – книгу о русской революции.

Так случилось, что Солженицын повторил судьбу высланной в 1922 г. философской элиты. Его также выдворили из родной страны, как когда-то пассажиров «философского парохода». Солженицын-писатель по праву может быть назван и русским мыслителем, продолжившим лучшие традиции, идеи религиозных философов первой половины XX в. (П. Струве, С. Булгаков, Н. Бердяев, С. Франк, Е. Трубецкой, И. Ильин). Они, в свою очередь, опирались на гениальные прозрения русских писателей и мыслителей: Пушкина, Гоголя, Чаадаева, Киреевского, Хомякова, Достоевского, К. Леонтьева, Вл. Соловьева.

Сегодня Русская православная церковь признала заслуги свободных мыслителей в деле духовного просвещения России. В выступлении на открытии XVII Всемирного Русского Народного Собора Святейший Патриарх Кирилл напомнил собравшимся: «А разве возникновение в начале XX века русской религиозной философии – яркого, самобытного направления в гуманитарной науке – не является доказательством самобытного творческого начала нашей цивилизации, способной предложить свой взгляд на мир, сказать человеку свое слово? Не случайно, что и сегодняшние

мыслители и политические деятели обращаются именно к мудрости тех, кто сформировал корпус этой замечательной религиозной философии конца XIX–XX века»⁵.

Культурный и социальный разрыв породили острые столкновения в истории русской литературы, философии и публицистики. Одно из них произошло в XIX в. – «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя и его радикальные критики. Попытка Гоголя и славянофилов соединить в России «западную образованность и православную духовную культуру»⁶ не увенчалась успехом.

Другое столкновение в начале XX столетия – сборник «Вехи» и ожесточенная критика «антIVEDOXЦЕВ». Историческое значение «Вех» заключено в переоценке «самых духовных основ господствующего мирозерцания»⁷ и отчасти сравнимо с тем отрезвляющим воздействием, которое произвел «Архипелаг ГУЛАГ» на Запад и часть советской интеллигенции во второй половине XX в.

Полемика вокруг этих событий («Выбранные места...», «Вехи», «Архипелаг...») русской духовно-интеллектуальной истории XIX и XX вв. характеризует состояние умов, религиозно-нравственные и социальные идеалы, отношение к власти, церкви и на сегодняшний день не закрыта. «Архипелаг ГУЛАГ» вот уже не одно десятилетие находится в центре ожесточенной дискуссии о советском наследии, «красной империи» Сталина.

Солженицын выступил *истинным радикалом* по отношению к идеологической основе режима, материализма и безбожия и возвратился на новом историческом витке к «Вехам», ему надо было уяснить истоки ложного радикализма создателей Советского государства.

Советская цивилизация переродила русскую интеллигенцию в «образованщину». Тем не менее просматриваются и общие родовые черты: «догматы идолопоклонства перед человеком и человечеством; религия заменена верой в научный прогресс»⁸. Безрелигиозный тип советской интеллигенции сформировался безрелигиозным гуманизмом предшествующих поколений: «Авторы “Вех” определяли интеллигенцию не по степени и не по роду образованности, а по идеологии – как некий новый орден, безрелигиозно-гуманистический»⁹.

Социальный радикализм и религиозно-мистическое отношение к жизни подверглись испытанию революцией, войнами и репрессиями в России XX в., обозначился «ясный водораздел»¹⁰ между атеистическим и религиозным направлениями. Революция обратилась против народа (коллективизация и религиозные преследования).

Солженицын прекрасно осведомлен о скрытых пружинах *делания* русской истории, о возникших в XIX–начале XX в. идеологических столкновениях двух тенденций общественного развития – *радикального и консервативного*, осознавая их через документы, мемуары, газетно-

журнальные споры, продолженные и в русском зарубежье. В «Красном Колесе» он предстал *истинным консерваторм*.

В пестроте изложенных идеологических доктрин, партийных программ, лозунгов, знаковых суждений исторических и вымышленных лиц «Красного Колеса» вырисовывается история русского консерватизма в идеях его ключевых представителей: Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, М. Н. Каткова, Н. Я. Данилевского, К. П. Победоносцева, А. С. Суворина, Д. Н. Шипова, П. А. Столыпина, В. В. Розанова, Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина и др. Особо выделим теоретиков «либерального консерватизма» – П. Б. Струве и С. Л. Франка. В трудах С. Л. Франка (в книге «Духовные основы общества») представлено теоретическое осмысление и духовное наполнение понятий *истинного и ложного консерватизма*¹¹. Какова система рассуждений философа? В природе из корней, находящихся в почве, произрастает жизнь. Истинное мирозерцание (консервативное или радикальное) развивается аналогично, в процессе органического роста, на возделанной почве традиции и культуры, не превращаясь в банальное ретроградство или экстремизм.

Мысль об органическом росте любого мировоззрения из корней традиции и культуры также очень близка автору «Красного Колеса». Вспомним слова Павла Ивановича Варсонофьева: «История – и р а ц и о н а л ь н а... У нее своя органическая, а для нас, может быть, непостижимая ткань... История растет как дерево живое. И разум для нее топор... Но реку, но струю прервать нельзя, ее только на вершок разорви – уже нет струи. А нам предлагают рвать ее на тысячу саженей. Связь поколений, учреждений, традиций, обычаев – это и есть связь струи» (7, 374)¹².

В «Красном Колесе» Солженицын сопоставляет программы Д. Н. Шипова и П. А. Столыпина. Общее между ними то, что оба поддерживают монархию, земство, не согласны с косностью царской бюрократии, против крайнего либерализма, однако же сторонники преобразований. Но каких? Шипов не стремится предрешить события, для него важно было нащупать «общую правду»: «Смысл нашей жизни – творить не свою волю, но уяснить себе смысл миродержавного начала...» (9, 75). В христианском государстве должна господствовать *этическая*, а не правовая система. Нужно избежать «азарта политической борьбы», вредного народной нравственности: «Преследовать не *интересы*, а стремиться к *правде* отношений» (9, 76). По сути, общество, полагал Шипов, должно быть устроено на религиозно-нравственной основе: «Он своим спокойным обстоятельным умом, – замечает автор, – прилагал нравственную идею к русской истории...» (10, 53). Но в самый решительный момент отошел от борьбы.

П. А. Столыпин, любимый исторический персонаж Солженицына, – человек волевого усилия,

необычайной работоспособности, бесстрашия и дерзости. В отличие от Шипова, он направляет всю свою энергию на воплощение заветных идеалов монархической государственности с крепким крестьянским сословием, осуществляя реформы при очень жестком нажиме сверху, вместе с тем шадя чувства и настроения государя. «И вырисовывался перед Столыпиным единственный естественный, но в землетрясной обстановке почти невероятный путь: путь равновесной линии по обломочному хребту. До сих пор почему-то: реформы – означали ослабление и даже гибель власти, а суровые меры порядка означали отказ от преобразований. Но Столыпин ясно видел совмещение того и другого!» (8, 163). Свобода выхода из общины – это ли не начало «свободы лица» и в целом либеральный проект. В том то и дело, что за него может приняться истинный консерватор, исповедующий Божественное предназначение царской власти, незыблемость монархического строя, единение царя с народом и считающий помещичьи хозяйства оплотом русской культуры, которые надо обязательно сохранить.

Двуличие кадетской партии по отношению к монархии и существующим институтам власти Солженицын вскрывает целенаправленно и с редкой долей сарказма. Партия народной свободы заряжена ложным радикализмом. Писатель прослеживает истоки кадетизма. «К религии кадеты были если не враждебны, то равнодушны. Их безрелигиозность и мешала им понять сущность народного духа» (9, 88), – пронизательно усмотрел Д. Н. Шипов. А если они и брали на вооружение консервативные лозунги, то это объяснялось текущим политическим положением: «Значит, у них не было теперь иного выхода, как опередить правительство в патриотизме и даже в самой борьбе с германским империализмом» (9, 218). Отсюда согласие на внешнее расширение империи, взятие Константинополя и проливов.

Во внутренней политике сила общественного мнения строго предопределяла избирательность оценок. Многие из кадетов были выразителями взглядов русской интеллигенции, их политические речи были пропитаны пафосом освободительного движения: «Чего Освободительное Движение вообразить не могло и не желало – это достичь своих целей плавной эволюцией» (9, 75). Интеллигенция пыталась воспитывать общество в непримиримости. Отметим слова Варсонофьева: «И всякий, кто имеет *ретроградные* взгляды, – тоже у нас не интеллигент, хоть будь он первый философ» (7, 372).

Кадетская партия выражала общий революционный настрой: «Русский радикализм (он продолжал называть себя либерализмом) оказывался солидарен со всеми революционными направлениями, а поэтому не мог осуждать террор, даже порицал тех, кто порицает террор. Русский радикализм принял принцип, что если насилие направлено против врага – оно оправдывается» (9, 74).

Работа над «Красным Колесом» позволила Солженицыну открыть для себя те истины русской катастрофы, которые направляли его к мыслям о современном положении России, история Февраля для автора занимала теперь особое место, пересекаясь с днем сегодняшним.

После краха коммунизма и либерально-демократической революции в России Солженицын вернулся на родину. Встречаясь со многими жителями областей и автономных республик, он накопил в 1990-е гг. огромный материал – записанные им рассказы о бедствиях граждан, отмене социальных обязательств государства, переселении людей, закрытии предприятий, возрастании смертности и падении рождаемости – всю замолчанную боль русского народа. В то время любое патриотическое выступление сразу же преподносилось СМИ («оборотистое словцо»¹³) как выпад «красно-коричневых». После нескольких передач по государственному телевидению Солженицыну отказали в эфире.

Ельцин и его окружение видели писателя только как несгибаемого борца с коммунизмом, который должен приветствовать «новую» Россию, освободившуюся от советского прошлого и вернувшуюся на проторенную дорогу цивилизованного мира. Когда же Солженицын начал защищать традиционные ценности исторической России и критиковать власть за жестокость по отношению к русскому народу, от него отвернулась почти вся либерально-демократическая верхушка. Он демонстративно отказался от ордена Андрея Первозванного, который ему пытался преподнести Ельцин, и продолжил свои встречи с жителями провинции, интеллигенцией, накапливая свод признаний о социальном неблагополучии в российских регионах. Так родился замысел публицистической книги «Россия в обвале» – нецененного до сих пор свидетельства о страшных для страны 1990-х гг., целостной картины жизни народа в годы испытаний, критического взгляд в прошлое, поиска духовных «укрепов» на будущее.

Со времен «посылных соображений» «Как нам обустроить Россию?» прошло почти десять лет. Солженицын и в 1998 г. остается верным России как «единому организму» (5). Это не империя, тем более не Советский Союз, но и не искромсанная в своих коммунистических границах Российская Федерация. Солженицын остро чувствует боль миллионов соотечественников – «чужеземцев за 24 часа» (61), отрезанных в один момент от метрополии по воле новых демократических вождей республик бывшего Советского Союза. Писатель – один из немногих, кто настаивал на действенной поддержке русских соотечественников, брошенных властью на произвол судьбы в отделившихся полугосударствах и подвергшихся там притеснению и насилию, попранию своих прав.

Мыслимый им в 1990 г. Российский союз должен был вобрать в себя славянское ядро – Россию, Украину и Белоруссию, еще и северный

Казахстан, однако этому не суждено было воплотиться. Альтернатива была. «Развал» был как «неизбежен», так и «вполне избежен» (83) – предопределенности не было, доказывает Солженицын. Как трудно вновь будет объединиться: «Сживлять – это не разрубивать» (83). В проекте Евразийского союза, предложенного Н. Назарбаевым в 1994 г., писатель видит опасность «бюрократической надстройки», которая будет «сковывать» действия России. «Евразийство» как идеология вряд ли отвечает требованиям завтрашнего дня, России как «единому организму».

Современная Российская Федерация опирается на безликую массу народа без национального лица. Власть «даже обходит старательно само слово «русские» – а всегда «россияне». Русский этнос демонстративно не взят в опору России» (40). За этим стоит «отказ от русского культурного своеобразия» (45), констатирует писатель.

Солженицын много страниц в книге уделяет русской духовной культуре. Фундамент ее в православии: «Вне духовной укрепы от православия нам на ноги не встать» (187). И патриотизм без православия становится злобно ограниченным, «приобретает черты языческие» (185). Солженицын находит единомыслие со словами П. Б. Струве, приводя их в своей книге: «Государственная справедливость не требует от нас национального безразличия» (130). И государство, империю на первое место ставить нельзя: «Именно православие, а не имперская державность создала русский культурный тип» (187).

Что свойственно этому типу и как ему сохраниться в новых условиях? Солженицын не теряет надежды: «Наперекор всему, как нам не дают дышать, – тяга к общественной справедливости и тяга к нравственной жизни – нет, не загасли» (110).

Всеобщая стандартизация глобального мира стремится подчинить себе Россию и русскую культуру. «Этот процесс всеобщей стандартизации, – предупреждает писатель, – по смыслу своему – энтропийный. Выравнивая потенциалы различий, он ослабляет способности человечества к развитию духовному, а вослед и к иным видам развития» (115). Как это уже проявилось в России и Европе.

Коммунистическая идеология сменилась рыночной. Ложный радикализм захватил Россию. «Приватизация внедрялась по всей стране с тем же неоглядным безумием, с той разрушительной скоростью, как “национализация” (1917–18) и “коллективизация” (1930) – только с обратным знаком» (23). Солженицын настаивает на большевистской преемственности «гай-чубайсовских реформ» (23), разрушающих прежде всего историческую Россию: «Никогда с 20-х годов не было такой крушительной смены психологии, мироощущения, духовных ценностей: лишь в те годы ломался весь мир на глазах – и сейчас» (109). Расстрел парламента в 1993 г. сопровождался призывом «неодемократов» «Раздавить гадину!» – силой оружия (в числе подписантов обращения

42-х были многие деятели культуры). Реформаторы действовали «очень непредусмотрительно для своего же демократического будущего» (17), взяв на вооружение горьковско-сталинский лозунг «Если враг не сдается, его уничтожают».

Вхождение России в глобальный мир обычно объясняют благой целью – «возвращением» в мир цивилизованных народов Запада, технологическим развитием даже в ущерб национальной культуре. Копирование чужого опыта – занятие бесперспективное и опасное, особенно когда теряется духовный склад народной жизни. Понимая это, Солженицын глубоко прав и дальновиден: «Уклад чужой жизни невозможно скопировать, не перерождаясь болезненно: он должен органически вытекать из традиций страны. По пословице: *Свою болячку не чужим здоровьем лечить*. На путь, неограниченный от западного, Россия все равно не выйдет никогда, как бы нам ни стараться» (35).

Болезненного перерождения ждет от нас Запад, но это означает отказ от русской духовной культуры как таковой, признание, что ее не будет и в помине. «Ясно же видно, что Западу нужна Россия технологически отсталая» (34), – добавляет Солженицын. Предприятия берутся под контроль иностранных фирм. В стране насаждается «пошлость в избытке», «культ наживы, наживы и проституции» (107): «В сегодняшних эфирно-газетных средствах – никогда не встретим истолкование событий, понимание перспектив – с собственно русской точки зрения» (174). В некоторых учебных пособиях утверждается мысль, что «литература не должна восприниматься в воспитательном смысле, но лишь как развлечение вкуса, – прямо против русской традиции» (179). Картину «обвала» русской светской культуры довершает моральное разложение: «Ведь еще губительнее нашей нужды – это повальное бесчестие, торжествующая развратная пошлость, просочившая новые верхи общества и изрыгаемая на нас изо всех телевизионных ящиков» (201).

По отношению к русскому народу Солженицын самокритичен: «Мы в упадке нашем много-много виноваты сами» (155). Отсутствию «равномерной методичности, настойчивости, внутренней дисциплины» (164) в русском характере Солженицын противопоставляет «тягу к живой справедливости» (165). Народ «жаждал сильных и праведных действий правителя, ждал чуда» (166). Писатель, который знает одну божественную истину, не заблуждается предсказывать народную судьбу: «Но ещё никто земной не умел предсказывать все неожиданные ходы Истории» (57).

Резко диссонируют с апологетикой советского прошлого его слова: «Русский народ в целом потерпел в долготу XX века – историческое поражение, и духовное, и материальное» (201). Писатель не обольщается достижениями научно-технического прогресса советской цивилизации, ему горько сознавать, что некогда органические скрепы народной жизни безжалостно истреблены и преданы забвению

(русский деревенский уклад, высокая рождаемость, связь с землей, местное самоуправление – земство и т. д.). Но нужно всегда помнить: «Судьба русского народа определит и судьбу России» (132).

В финальной части книги Солженицын оставляет читателя с надеждой на возрождение. Высказанная писателем в новых исторических условиях национальная идея «Сбережения Народа» наполняется конкретным смыслом по отношению к каждому жителю России: «Мой дух, моя семья да мой труд – добросовестный, неусыпный, без оглядки на захлебчивую жадность воровскую, – а как иначе вытягивать?» (203).

Окончательно «обвал» России не состоялся. И как знать, в этом заслуга и Солженицына, умевшего донести до власти свои «посильные соображения». В столкновении консерватизма и радикализма, лозунгов и программ, идеологий Солженицын вращивал *чувство единого народа*, воспитывая в человеке цельность характера и мироощущения. Он всей своей писательской деятельностью занимался преодолением разрывов, осознавая единство русской духовной культуры.

Примечания

- 1 Франк С. Русская духовная культура. Конспект лекции // BAR. Ms. Coll / S. L. Frank. Box 12. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. Л. 1.
- 2 Франк С. Консерватизм и радикализм. Конспект лекции // Там же.
- 3 Там же. Л. 2.
- 4 Цит. по: Сараскина Л. Солженицын. М., 2009. С. 147.
- 5 *Святейший Патриарх Кирилл*. Россия как страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа. UPL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3334783.html> (дата обращения: 05.02.2014).
- 6 Франк С. Русская духовная культура. Л. 2.
- 7 Франк С. Непрочитанное... : статьи, письма, воспоминания / предисл. и сост. А. А. Гапоненкова, Ю. П. Сенюкова. М., 2001. С. 457.
- 8 Солженицын А. Образованщина // Солженицын А. И. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. М., 2001. С. 102.
- 9 Там же. С. 105.
- 10 Франк С. Русская духовная культура. Л. 2.
- 11 См.: Франк С. Консерватизм и радикализм. Франк различал также *истинный* радикализм и *ложный*, опирающийся на отвлеченный идеализм или рационализм, отрицающий прошлое и верящий «в *самочинность* отдельного лица и поколения». Поведение радикала разрушительно, когда его радикализм далек от конкретно-жизненных задач.
- 12 Текст «Красного Колеса» цитируется по: Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. М., 2009. В скобках приводятся том и страница. Сохранено авторское правописание.
- 13 Солженицын А. Россия в обвале. М., 2006. С. 107. Далее текст книги цитируется по этому изданию с указанием в скобках соответствующей страницы. Сохранено авторское правописание.